НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • КУЛЬТУРА

Рубио и античность

Манифест госсекретаря США о возвращении к понятию долга и к страсти: что с ним не так?

Выступление Марко Рубиов Афинах. Фото: AP / TASS

14:23, 7 ноября 2026,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА»

Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков: / Ветер одни по земле развевает, другие дубрава, вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают; / Так человеки: сии нарождаются, те погибают.

Гомер, «Илиада»

За долгий период кризиса идей и ценностей, охвативший сейчас западную цивилизацию, — наконец что-то прозвучало. Это была речь Марко Рубио, госсекретаря USA, произнесенная в начале октября в Афинах на фоне древнего акрополя. В некотором смысле речь можно считать манифестом.

Суть сказанного не назвать чем-то новым. Напротив, это обращение к очень старому, очень известному. Однако именно такие обращения на протяжении многих веков истории Запада активировали настройку на самые революционные перемены. Это обращение к духу античности.

Античность, понимаемая в контексте наследия древних греков и римлян, — всегда давала Западу много: базовые эстетические каноны, системы философских координат, политические концепции, образцы гражданских добродетелей. В целом Запад сделался самой впечатляющей мировой цивилизацией, наверное, в первую очередь потому, что всё время стоял на плечах греков и римлян. И всё время готов был обращаться к ним за своего рода «консультациями» и образцами.

Но в разные времена из античности выбирали разные вещи в качестве образцов. Средневековье акцентировалось на метафизической философии, Ренессанс — на эстетической форме, Новое время — на республиканских гражданских идеалах. Поэтому, анализируя нынешнюю речь американского госсекретаря, важнее всего понять, какие образцы он предлагает для современности. А он предлагает для перезагрузки западной цивилизации взять из античного наследия три вещи.

***

Во-первых, соревновательный, агональный характер политических мотивов.

> Следует вступить на путь риска в достижении высшего уровня амбиций по всем фронтам. Ибо сохранение среднестатистической безвольной стабильности есть прямой путь к распаду. Предлагается вспомнить такое понятие из древнегреческого лексикона, как «тимос», т.е. страсть, ярость, — основу всех стремлений к превосходству.

Лишь это даст современному Западу новый рывок, и прежде всего — рывок в деле освоения и применения технологий. Ибо технологии сейчас представляют собой главный мировой фронт.

Во-вторых, реабилитация понятия «национального», которое на Западе претерпело за последнее время сильный ущерб в пользу понятия «универсального». Интересы своей нации должны быть превыше всего — этому, по словам Марка Рубио, может превосходно научить античная история. Вероятно, за неимением у греков и римлян самого понятия «нация» выступающий имел здесь в виду античные города-государства, полисы, находящиеся друг с другом в состоянии непрерывной и жесткой конкуренции за свои интересы.

И в-третьих — возрождение идеи внутреннего долженствования. Плачевное состояние западного общества, которое философы вот уже полвека именуют не столько обществом граждан, сколько обществом потребителей, — вот результат заметного вытеснения идеи долга из списка внутренних ценностей. Западный человек крайне обеспокоен соблюдением своих прав и желает, чтобы их количество неуклонно росло. Однако крайне мало озабочен мыслями о том, что он сам должен привнести в этот мир, что станет последствием его пребывания в мире. А подобные мысли и создают то напряжение духовных и разумных сил в человеке, из которого появляется идея долга.

В связи с этим Марк Рубио вспоминает Сократа и Ахиллеса, которые отказались от перспективы долгой жизни в пользу перспективы исполнить свое предназначение — свой внутренний долг.

* * *

Можно с большим интересом отнестись к «античной»

инициативе американского госсекретаря. Обращение к наследию греков и римлян практически всегда было предвестником самых существенных перемен для Запада. Но также можно и критически посмотреть на то, что выступающий предложил в качестве терапевтических идей и мотивов.

***

Во-первых, соревновательность и воля к превосходству, основанная на страсти и ярости, — это было и остается свойственным почти всем без исключения. Как отдельным индивидам, так и сообществам. Как развитым культурам, так и архаическим племенам. В этом ни у кого нет особенной уникальности. Напротив, именно у греков появляется та великая мысль, что предостерегала от чрезмерного увлечения превосходством и азартной игрой на повышение. Эта мысль была высечена в камне на фронтоне самого уважаемого ими храма Аполлона в Дельфах: «Ничего слишком!» Кроме того, посредством одного из самых востребованных у греков искусств — театра — люди имели постоянную возможность осознавать губительные последствия своих страстей. Как через трагедию, так и через комедию.

> Для древнего грека, как потом и для римлянина, — мало что представлялось более предосудительным, чем невоздержанность в страстях и желаниях. Они полагали это основной чертой, отделяющей варвара от цивилизованного человека.

Поэтому, если мы уже говорим о рисках, амбициях и воле к величию, — то именно античная цивилизация может являться

примером того, как всё это оказалось пропущенным через фильтр отвлеченного разума и чувства эстетической пропорции. В античной цивилизации это было сделано вообще впервые в человеческой истории. И вопреки естественным, изначально «варварским» паттернам человеческой психики.

Афины. 7 октября 2026 года. Госсекретарь США Марко Рубио на встрече с премьер-министром Греции Кириакосом Мицотакисом. Фото: AP / TASS

* * *

Во-вторых — что касается «национального». Обращаться за реабилитацией этого понятия к античности — определенно не по адресу. Если мы будем принимать за некий аналог современному понятию «нация» античный город-государство, то в качестве некоего положительного примера он может служить лишь в случае, если не выходить за пределы его стен.

Греческая полисная демократия дает действительно достойные подражанию образцы внутри городской черты — но за ее

пределом мы имеем картину бесконечной войны всех против всех. Ни общий язык, ни вера в одних богов, ни примерно схожее политическое устройство городов-государств не обеспечивали устойчивого межполисного общественного договора. За одним исключением, когда в V веке до н.э. глобальная военная угроза со стороны Востока не сплотила прежних врагов и непримиримых конкурентов. На очень короткий период, после которого взаимная вражда продолжилась с удвоенной активностью. Что в итоге и привело к утрате независимости для всех ее участников. Коротко говоря, для задачи наделить «национальное» неким неоспоримо позитивным политическим смыслом греки являют собой весьма неудачный пример.

Если же под «национальным» иметь в виду общее понятие «эллинского мира» или «эллинизма», то здесь мы скорее встретимся не с интересами отдельного народа или государства, но с чем-то интернациональным, космополитическим. Опять же — впервые в человеческой истории.

> Эллинизм — это проект. Но его меньше всего можно назвать национальным проектом.

Это картина мира, построенная на основе универсальных идей, выработанных, в первую очередь, греческой способностью к отвлеченной рефлексии и греческим чувством пропорции. Однако это открытая картина мира, куда всегда есть возможность добавить нечто совсем не греческое. Эллинизм есть проект активного культурного синкретизма, и если находить ему аналог в лексике современности, то это, несомненно, глобализм.

***

Третий момент — касаемый ценности внутреннего долженствования. Действительно, этому трудно найти где-то более впечатляющие примеры, чем в мире античном. И мало что так необходимо для мира сегодняшнего. Как для отдельных индивидов, составляющих гражданские сообщества, так и для политических элит, эти сообщества возглавляющих.

У греков мы встретим достаточно историй для того, чтобы воодушевить на уровне индивидуальном, и Марко Рубио показывает очень хороший диапазон от Ахиллеса до Сократа — от мифического героя до философа-гражданина. У римлян же образцам внутреннего долга более всего стоит поучиться современным действующим политикам. И на римлянах здесь стоит остановиться несколько подробнее, тем более что выступающий оратор сосредоточил почти всё свое внимание на греках, что и понятно, учитывая, где произносилась его речь.

> Вероятно, будет несколько странно восприниматься мысль, что вся конструкция невероятной по масштабу Римской империи появилась и развивалась не по причине завоевательных амбиций потомков Ромула и Рема, но — за счет соблюдения международных договоров.

То есть за счет очень серьезного отношения римлян к своему долгу перед союзниками и друзьями. И у такой мысли есть основания.

Международная политика римлян держалась на правовых партнерских соглашениях с народами и городами-государствами. Высший статус, который мог получить здесь

партнер, — это «друг и союзник римского народа» (socius et amicus populi Romani). Как правило, с учетом военной и политической мощи Рима — это было не равное партнерство. Оно накладывало обязательство лояльности на «друзей Рима», а тот обязался предоставлять защиту. По сути, Рим не вмешивался в дела своих «друзей», в их культуру, религию и вопросы самоуправления — ни во что, не касающееся внешней политики, то есть вопросов войны и мира. Но поскольку эти вопросы возникали постоянно, а положение народов древности представляло собой картину «войны всех против всех», то и Рим, выполняя свои «дружеские обязательства», должен был вести постоянные сражения, в процессе которых он и обрастал землями тех племен и народов, что не желали находиться в статусе «друзей», — или, став таковыми, радикально нарушили свои обязательства лояльности. Такие земли становились провинциями Рима. Впрочем, и в своих провинциях победители предпочитали держать известную дистанцию и не занимались ломкой культуры и религии покоренных. Синкретизм — вот ключевое понятие, которое как для греков, так и для римлян лежало в основе международных отношений.

Генрих Лойтеман. Ганнибал при Каннах. Гравюра из книги Вильгельма Вагнера «Рим». Источник: Википедия

Наверное, один из самых показательных примеров войны на основе долга перед «друзьями» была война с Карфагеном, та самая знаменитая вторая пуническая война, война с Ганнибалом, которую Рим объявил после того, как войска Карфагена вторглись на территорию римских партнеров в Испании и осадили город Сагунт. Исполнение данного «дружеского долга» едва не стоило римлянам их собственного существования, но и самая высокая опасность не становилась поводом для отказа от принципов.

Как всё это может мотивировать сегодняшний западный мир, осознающий себя наследником греков и римлян? Известно, что во второй половине XX века Америку часто сравнивали с Римской империей — прежде всего, по той роли всеобщего гаранта и куратора, которую она занимала в области принципов международного права, а также в области прав человека. По крайней мере, американские претензии были таковыми довольно долгое время. Находиться на страже

демократии и цивилизации, ни больше, ни меньше, — именно такой долг Америка провозгласила для самой себя.

Однако, в отличие от классического, античного Рима, американские политические элиты являли в исполнении своего долга куда меньшую последовательность и принципиальность. Весьма часто начатое не завершалось, а ждущие помощи — ее не получали.

> Столкнувшись с трудностями и опасностями, Америка приобретала привычку оставлять положившихся на нее «друзей» на произвол их судьбы. Так было с Ираком, с Ливией, с Афганистаном. Так недавно произошло с демократическими протестными силами в Иране.

Очевидно, что, вспоминая наследие античного Рима, сегодняшней Америке определенно стоит обновить свои понятия о долженствовании. Впрочем, это касается не только Америки.

***

Выступление госсекретаря Марко Рубио навряд ли можно назвать полноценным действующим манифестом. Но это очень хорошее начало для того, чтобы посмотреть в будущее через призму ценностей и идей. А где их источник для всей нашей цивилизации, как не у греков и римлян?